

А. Ю. Чукуров

Трансформации физического и социального тела в контексте формирования самоидентичности

Сегодня мы можем констатировать крайнюю нестабильность границ социального тела. Находясь в ситуации внешнего давления, личность вырабатывает все более гибкие механизмы самозащиты и решает крайне актуализировавшийся вопрос самоидентичности. Именно это стремление обрести или подчеркнуть границы становится причиной трансформации физического и социального тела, поскольку границы должны быть заметны не столько для человека, их создающего, сколько для внешнего наблюдателя во избежание их несанкционированного нарушения. Мы можем говорить о формировании нового типа человека – Homo Lego – являющегося продуктом собственного выбора, тело которого уподобляется конструктору. Данная статья посвящена анализу процесса создания механизмов самоадаптации и самозащиты в условиях глобализации и информационного общества. Мы определяем методологические основания данного процесса, выявляя преемственность и логические связи между либертарианским трансгуманизмом, радикальным конструктивизмом, концепцией самопринадлежности и квир-теорией. С нашей точки зрения, данные теории объясняют природу формирования механизмов самоадаптации, причины трансформации физического и социального тела и подчеркивают принципиальную нестабильность идентичности, ее подвижность. Можно говорить об идейной преемственности данных теорий, поскольку, хотя и с разных позиций, они раскрывают идейную сущность трансформаций физического и социального тела.

Ключевые слова: трансгуманизм, либертарианство, идентичность, квир, радикальный конструктивизм, культура трансмодерна.

А. Yu. Chukurov

Transformations of the Physical and Social Body in the Context of Self-Identity Formation

We can state extreme instability of the social body's boundaries today. Being in a situation of external pressure, the person develops more and more flexible mechanisms of self-defense and solves the extremely actualized question of self-identity. The desire to find or emphasize borders becomes the reason for the physical and social body transformation, since the boundaries should be noticeable not only for the person who creates them, but for the external observer in order to avoid their unauthorized violation. We can talk about the new type of human being formation – Homo Lego – who is the product of his own choice, whose body is likened to the famous game. We analyze the process of self-adaptation and self-protection mechanisms creation in the context of globalization and information society in this article. We define the methodological bases of this process, identifying continuity and logical connections between libertarian transhumanism, radical constructivism, the concept of self-ownership and queer theory. From our point of view, these theories explain the nature of self-adaptive mechanisms formation, causes of physical and social body transformation and emphasize the fundamental instability of the identity, its mobility. We can talk about the ideological continuity of these theories, because they reveal the ideological essence of the physical and social body transformations from different perspectives.

Keywords: transhumanism, libertarianity, identity, queer, radical constructivism, trans-modern culture.

Глобализация, которая сама по себе носит объективный характер и не может быть повернута вспять, несмотря на спорадическое сопротивление в виде всплесков фундаментализма, способствует усилению внешнего давления на личность по причине интенсификации взаимопроникновения культур (неизбежное усиление миграционных потоков, глобализация менеджмента, расширение сфер влияния транснациональных корпораций и т. д.). Внешнее давление в культуре XXI в. обеспечивается также всепроникающим информационным шумом и тотальным контролем со стороны государственных и корпоративных структур, что неизбежно в информационном обществе. Напомним, что, по мнению М. Фуко, либерализм в своем развитии

вышел на совершенно новый уровень, в том числе и благодаря новым технологиям, когда он способен учитывать самые разные потребности и желания масс [6]. Одновременно либерализм разрабатывает более гибкую систему контроля. Причем речь идет об управлении поведением.

В информационном обществе сохранять собственную идентичность становится все сложнее, а проблема маркировки границ между внутренним и внешним все более актуализируется. Границы социального тела оказываются крайне уязвимы в силу всепроникающего информационного шума. Но когда разрушаются границы тела социального, то страдает и само физическое тело. Не осознавая в полной мере грозящей ему опасности, человек пытается взять ситуацию под

контроль и разработать собственные механизмы защиты от агрессивной среды. Достижения науки и техники предоставляют нам новые возможности устанавливать этот контроль. Сегодня человек «достраивает» свое тело, исходя из личностных смысложизненных проектов и представлений о безопасности. Находясь в ситуации внешнего давления, личность вырабатывает все более гибкие механизмы самозащиты и самоадаптации, с одной стороны, а с другой – решает крайне актуализировавшийся вопрос самоидентичности. Мы утверждаем, что выработка механизмов самоадаптации и способов самоидентификации – это две стороны одного и того же процесса. Решая одну проблему, человек автоматически решает и вторую. Определение и сохранение самоидентичности – это и есть основная мотивация выработки механизмов самозащиты и самоадаптации.

Указанные механизмы проявляются как в трансформации своего физического тела, так и тела социального, в стремлении определить границы между собой и внешним миром. И границы эти должны быть заметны не столько для человека, их создающего, сколько для внешнего наблюдателя во избежание их несанкционированного нарушения. К подобного рода механизмам самоадаптации, формирующим собственный культурный профиль, относятся любые виды бодимодификаций – от косметической хирургии до операций по смене пола, а также альтернативные модели поведения и образа жизни, то есть практически все практики, которые попадают для массового сознания в категорию «девиантного» [8].

Современные технологии и уровень развития медицины позволяют человеку переконструировать себя и свой образ жизни по индивидуальному проекту и в соответствии с собственным пониманием и оценкой внутренних целей и внешних угроз. Одновременно уровень развития либерализма сегодня предоставляет широчайший спектр моделей поведения, выбор религиозных убеждений, субкультурных движений и альтернативных форм образа жизни. В частности, идея нейроразнообразия охватывает все более широкие слои общества, расширяя границы ментальной свободы личности. Это позволяет нам выдвинуть концепцию Homo Lego – человека являющегося продуктом собственного выбора, тело которого уподобляется конструктору и мы, его владельцы, вправе достраивать и перестраивать его, исходя из собственного представления об адаптации и/или самореализации [7]. Проблема трансформации физического и социального тела в целях самоадаптации

к быстро меняющимся социокультурным условиям актуализировалась еще в середине XX столетия; она последовательно поднималась в ряде научных концепций, и на некоторых, с нашей точки зрения наиболее значимых, мы и остановимся.

Бодимодификации в контексте радикального конструктивизма и либертарианского трансгуманизма

Вопросы де/реконструкции физического и социального тела, выработки механизмов самозащиты и определения собственного культурного профиля наиболее очевидно поднимались в концепции либертарианского трансгуманизма, радикального конструктивизма, концепции самопринадлежности и квин-теории. Попытаемся выявить внутренние взаимосвязи данных научно-теоретических направлений и концепций, выстроить логическую цепочку их взаимозависимостей и определить их значение для анализа Homo Lego.

Напомним, что «отцами-основателями» радикального конструктивизма являются Хайнц фон Ферстер, Эрнст фон Глазерсфельд и Пауль Вацлавик. В 1981 г. под редакцией Пауля Вацлавика был опубликован сборник «Изобретенная действительность». В этой книге среди прочих авторов присутствовал и Эрнст фон Глазерсфельд, который определил радикальный конструктивизм как нетрадиционное направление в эпистемологии [3].

Поскольку мы определяем мир как агрессивную среду и утверждаем, что выработка механизмов самоадаптации является ответом на вызов агрессивной среды, то для нас представляется крайне важным тезис радикального конструктивизма о сознательной разработке личностью способов и механизмов преодоления вызовов и угроз среды. По сути, речь идет именно о выработке механизмов самоадаптации. Таким образом, вся смысложизненная стратегия личности – это и есть адаптация к социокультурному окружению, поиск способов и возможностей выживания.

Пауль Вацлавик в ходе работы в Институте психических исследований (Паоло-Альто) выработал методологические основы радикального конструктивизма. Согласно концепции П. Вацлавика, не существует никакой «объективной реальности». Вся реальность – это продукт нашего воображения. Совершенно логично, что, с точки зрения исследователя, реальность вариативна – существует множество ее версий. Интересно, что психофизиологи сегодня, анализируя

причины формирования механизмов самозащиты, указывают, по сути, на ту же множественность реальностей. О. С. Булгакова пишет: «Здесь важным является определение защит, как информации. Сначала личность считывает объективную информацию, но подстраивает (искажает) ее под свое субъективное видение событий окружающей среды. А потом проецирует ответ в ту же окружающую среду.

Не представляется возможным однозначно ответить на вопрос – благо или вред приносят “защиты” человеку? Мы хотим существовать в объективной реальности, но сами ее деформируем, так как не можем выжить в достаточно агрессивной окружающей среде... Формируется альтернативная психофизиологическая система, искажающая объективную информацию, делая ее более щадящей. Это жестко иерархичная, доминирующая, непостоянная во времени, с индивидуальными параметрами устойчивости психолого-физиологическая структура. Ее создание обуславливается индивидуальными психическими характеристиками, особенностью физиологической системной организации, и результатом деятельности которой является дисфункция органа-мишени» [2, с. 46]. То есть, с одной стороны, в этом тезисе мы видим констатацию наличия некоей объективной информации или некоего желания жить в «объективной реальности», а с другой – утрату ее изначального смысла и значения, поскольку индивид в любом случае ее искажает.

В контексте анализа механизмов самоадаптации в теории радикального конструктивизма нас особенно интересует принципиальное указание на способность личности предвидеть (просчитать) возможные изменения среды, что повышает адаптивные способности. Э. фон Глазерсфельд специально указывал на то, что основная задача познания – именно выработка механизмов адаптации [3].

С позиций радикального конструктивизма не существует никаких абсолютных истин. Вся аксиосфера создается социальной средой, потому и не может быть абсолютной. Представители радикального конструктивизма утверждают, что даже представление об автономии личности – не более чем социальный конструкт, как и прочие гуманистические ценности.

Эти идеи обрели новое звучание в либертарианском трансгуманизме. Либертарианский трансгуманизм, как следует из самого названия, сформировался в силу слияния двух направлений науки и политики – либертарианства и трансгуманизма. На сегодняшний день это

в большей степени идеологическая концепция, представители которой выступают за расширение человеческих возможностей и свободный рынок. Они категорически против любой формы контроля, именно поэтому, с их точки зрения, свободный рынок – наилучшая гарантия невмешательства государства.

Либертарианство, одна из составляющих этого движения, – феномен сложный и многосоставной, который в самом общем виде может быть обозначен как политическая философия. основополагающая идея либертарианства – запрет на агрессивное насилие. Насилие может быть применено лишь в случаях самообороны. Никакое иное насилие или вмешательство в чужую жизнь недопустимо. Это относится и к государству, которое само по себе является формой насилия. Именно здесь мы видим, что либертарианство связано, в том числе, и с идеями анархизма. Более того, именно анархисты, по сути, и ввели этот термин в оборот. Как самостоятельное направление политической философии либертарианство начинает формироваться лишь во второй половине XX в.

Все существующие законы должны гарантировать и обеспечивать реализацию принципа личностной свободы. Не вдаваясь в сферу юриспруденции и экономики, укажем лишь, что либертарианство выступает против таможенных пошлин, минимального размера оплаты труда, каких-либо государственных дотаций, а в своем радикальном варианте – против обязательного школьного образования и каких-либо ограничений на иммиграцию. И, разумеется, либертарианство выступает против ограничений и запретов на наркотики, что абсолютно логично, поскольку человек имеет право делать со своим телом все, что пожелает: любые ограничения – это насилие.

В своем развитии либертарианство на определенном этапе срастается с трансгуманизмом. Причина очевидна – трансгуманизм поддерживает использование технологических новшеств для расширения спектра свобод и возможностей человека. История трансгуманизма уходит в XIX в., когда родилась вера в возможность преодоления ограничений человеческого тела благодаря научному прогрессу. Всплеск популярности данной теории приходится на 1920-е гг. В 1927 г. в свет выходит книга Джулиана Хаксли «Религия без откровения». Но затем мы наблюдаем угасание интереса, поскольку наука в середине XX в. так и не смогла предложить механизмы радикального преодоления биологического детерминизма природы человека. Вторая волна интереса, которая

доходит и до наших дней, формируется в 1960-х гг.

Трансгуманизм выступает за расширение свободы личности, прежде всего, за счет внедрения и использования продуктов научно-технического развития. Трансгуманизм выступает против попыток государства помешать передовым научным исследованиям, против всех форм фундаментализма и традиционализма. Использование новых технологий – гарантия реализации личных свобод граждан.

Так, в результате поиска новых возможностей расширения прав и свобод личности, а также в борьбе за ограничение вмешательства государства в жизнь общества и каждого отдельно взятого гражданина либертарианство и трансгуманизм формируют единую философско-политическую платформу.

Главным результатом этого слияния становится рождение принципа самособственности. Данный принцип может быть сведен к очень простой мысли: каждый человек является собственником своего тела; имеет естественное право на неприкосновенность; лишь он один контролирует и распоряжается этой своей собственностью, поступая с ней так, как считает нужным. Наше тело – это, прежде всего, уникальный ресурс, и каждый человек является собственником этого ресурса. Исходя из личной смысложизненной стратегии, человек имеет право использовать этот ресурс так, как считает необходимым. «Тело – это средство для достижения определенных целей. Человек может достраивать свое тело, менять его, даже уничтожать. Любая попытка воспрепятствовать реализации этого права является нарушением гражданских прав и свобод... Если государство не способно по тем или иным причинам способствовать реализации данного принципа, то оно должно быть вовсе устранено из телесного дискурса» [7, с. 74]. Таким образом, либертарианский трансгуманизм во многом продолжает и использует идеи радикального конструктивизма, что особенно очевидно в аспекте формирования механизмов самоадаптации и переформатирования своего тела с учетом использования достижений науки и техники.

Мы сознательно не затрагиваем в данной работе концепцию биоэтики, поскольку последняя легко уводит нас в область прав человека. Концентрированно идеи биоэтики выражены в Конвенции Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины – «Конвенции о правах человека и биомедицине» (1996), которая изначально называлась «Конвенция по биоэ-

тике». Один из центральных вопросов как самой Конвенции, так и научных дискуссий в русле биоэтики заключается в защите человека от возможного несанкционированного научного вмешательства, мы же говорим о свободе выбора личности, о принципиальной добровольности тех или иных бодимодификаций.

Как радикальный конструктивизм, так и либертарианский трансгуманизм разрабатывали идею личной автономии и самосовершенствования человека посредством различного рода трансформации физического тела. Однако подобные трансформации не являются самоцелью – они лишь механизм самоадаптации, реакция личности на вызовы агрессивной среды. И здесь мы подходим к третьей теоретической концепции, которая снимает ряд противоречий между незыблемостью личностной автономии и относительностью всех морально-этических систем, отчасти даже объединяя два вышеназванных философских направления в аспекте все той же личной автономии и «самопринадлежности».

Квир-теория и проблема самоадаптации: к вопросу об идейной преемственности

В ситуации нестабильной повседневности трансмодерна и информационного постиндустриального общества идентичность также не может носить стабильный характер. На первый взгляд может показаться, что связь квир-теории, радикального конструктивизма и либертарианского трансгуманизма не самоочевидна, однако именно квир-теория исключает идею стабильной идентичности, утверждает ее де/реконструкцию и отвергает любые бинарности и, что представляется нам особенно важным, постоянство. Она одновременно подчеркивает автономность и приоритет личности, безграничные возможности модификации тела с учетом технико-технологического развития и, при этом, соглашается с относительностью всех ценностей, их бесконечной вариативностью и пластичностью. Именно в данном аспекте квир-теория органично вобрала в себя идеи как радикального конструктивизма, так и либертарианского трансгуманизма.

Квир-теория постепенно вызревала в рамках феминистского движения и борьбы сексуальных меньшинств за свои права. Изначальный тезис квир-теории продолжал идеи М. Фуко – отказ от биологического детерминизма в отношении между полом и гендером и социальной структурированности гендера. Но теория пошла дальше, что привело к отказу от какой-либо бинарности.

Изначально сомнению подвергалась идея, предполагающая выбор именно сексуальных объектов, то есть сам императив выбора, поскольку данный императив детерминирован устаревшей бинарной патриархальной социальной структурой и природа его имплицитного присутствия коренится в конформности и ассимиляционных практиках: оппозиция буч/фам – это копирование гетеронормативной бинарной структуры; оппозиция садизм/мазохизм – репрезентация и трансляция традиционного мужского доминирования и пр. Позже императив выбора был исключен и в любой другой системе отношений. Потому потребовалась иная система оценок и структура идентичностей. Все эти проблемы были подняты, например, в работе Ив Кософски Сэдживик указывает, что дискурсивное бинарное разделение на нормативное и девиантное было свойственно не только традиционным научным подходам, но даже феминистским и гей-лесбийским теориям XX в. Именно в силу несвободы новых, альтернативных подходов к изучению субъективаций Сэдживик вводит квир-субъективацию, указывая на ее потенциальную открытость [9].

Квир-теория провозглашает принципиальную нестабильность идентичности, бесконечную множественность ее трансформации и модификации, что является следствием пересмотра соотношения пол/гендер. Иными словами, не просто пол и гендер могут не соответствовать друг другу, но и сексуальные практики могут не соответствовать гендеру. Довольно интересны в этом контексте мысли Пэт (Патрика) Калифии (Калифии-Рис). Будучи бисексуальным трансгендером, он/она идентифицировал/а себя как лесбиянку и в течение пяти лет жил/а с женщиной, имея случайный секс в течение этого же периода и с другими женщинами-лесбиянками. Впоследствии у него/нее случился секс с мужчиной-гомосексуалистом, с которым Пэт сохранял/а отношения далее три года, при этом сам партнер не идентифицировал себя как «гей», а Калифия продолжал/а определять себя как «лесбиянка». Параллельно Пэт Калифия сознательно принимал/а участие в садомазохистских собраниях, полагая что подобные телесные практики преодолевают, казалось бы, незыблемую границу между геями и лесбиянками [4, с. 100]. Возникает закономерный вопрос: как в этом случае определить границы ее/его идентичности? И надо ли вообще определять эти границы? С нашей точки зрения, это, во-первых, яркий пример нестабильной или квир-идентичности и, во-вторых, идеальный

опыт «достраивания себя» в зависимости от меняющихся условий. Именно по этой причине квир-теория принципиально избегает любых рамок, попадающих в капкан бинарности «норма/девиация». Любая попытка определить себя как норму, борьба за признание за собой права присутствовать в поле «нормального» и общественно признанного лишь приводит к встраиванию во властные структуры и, тем самым, – к их поддержке.

И мы подходим к самой главной идее квир-теории, которая полностью отражает идею Номо Лего: идентичность – это не состояние и не некая сущность. Идентичность – это процесс, который определяется тем или иным дискурсом. Именно об этом писала Джудит Батлер. Она также указала и на неизбежную зависимость этого процесса от нормативного поля. Дж. Батлер писала: «Быть под господством власти, внешней тебе, – знакомая и мучительная ее форма. Однако обнаружить, что то, что “ты” есть, само твое устройство как субъекта в определенном смысле находится под воздействием этой самой власти, – нечто совсем другое. Мы привыкли думать о власти как о том, что давит на субъект извне, о том, что субординирует, ставит в зависимость и переводит в низший класс. Это, безусловно, справедливое описание части того, что делает власть. Но если, следуя Фуко, мы понимаем власть также как формирующую субъект, как обеспечивающую само условие его существования и траекторию его желания, тогда власть есть не просто то, чему Мы противостояим, но также в конечном итоге то, от чего мы зависим в самом нашем существовании, и то, что Мы скрываем и сохраняем в своем бытии. Обычная модель понимания этого процесса такова: власть внедряет себя в нас, и, ослабленные ее силой, мы интернализуем или принимаем ее термины. Что не учитывается в таком подходе, однако, – что сами “мы”, принимающие эти термины, фундаментально зависимы от них в “нашем” существовании» [1, с. 15–16].

Дж. Батлер в своих рассуждениях напрямую следует теории М. Фуко и, отчасти, Г. Маркузе. Чем шире спектр свобод, тем более гибкой становится система контроля и тем глубже власть внедряется в личную жизнь индивида (по Дж. Батлер, фактически формируя его). Маркузе в своей монографии «Одномерный человек», по сути, развивает те же идеи, указывая на то, что Власть допускает контролируемое освобождение от подавления. Он вводит понятие «репрессивная десублимация» [5], и хотя использует его достаточно узко, смысл его очевиден – власть предла-

гает допустимые каналы десублимации, избегая социального напряжения и неконтролируемого протеста.

Соглашаясь с концепцией Дж. Батлер, мы так же утверждаем, что человек не может создать ничего, что уже не присутствовало в его культурном опыте. Мы имеем дело с перманентной пересборкой культурных паттернов в зависимости от смены дискурсивной практики. В результате главным достижением квир-теории становится постепенная замена категории идентичности на категорию различий.

Указанные различия в формировании индивидуальных механизмов самоадаптации (самозащиты) имеют принципиальное значение, поскольку мы говорим о видимых сущностях. Формирование идентичности чаще всего выражается в телесных практиках и стилевых предпочтениях – то есть в наиболее заметных аспектах. Таким образом, радикальный конструктивизм, либертарианский трансгуманизм и квир-теория, последовательно сменяя и дополняя друг друга, объясняют природу формирования механизмов самоадаптации, причины трансформации физического и социального тела и подчеркивают нестабильность идентичности, ее подвижность.

Библиографический список

1. Батлер, Дж. Психика власти: теории субъекции [Текст] / Джудит Батлер; пер. с англ. З. Баблюян. – СПб. : Алтейя, 2002. – 160 с.
2. Булгакова, О. С. Формирование адаптационных защит и механизм возникновения психосоматических нарушений [Текст] / О. С. Булгакова // Актуальные аспекты современной психофизиологии: сборник научных трудов / сост. и отв. ред. А. Б. Булгаков. – СПб. : Изд.: НПЦ ПСН, 2015. – С. 45–48.
3. Глазерсфельд, фон Э. Введение в радикальный конструктивизм [Текст] / фон Э. Глазерсфельд; пер. С. А. Цоколова // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – № 4. – 2001. – С. 59–81.
4. Джагоз, А. Введение в квир-теорию [Текст] / А. Джагоз; пер. М. Кукарцевой; отв. ред. В. Е. Кашаев. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с.
5. Маркузе, Г. Одномерный человек [Текст] / Герберт Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. – М. : АСТ, 2002. – 526 с.
6. Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций [Электронный ресурс] / М. Фуко // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709> (дата обращения 28.07.2015)
7. Чукуров А. Ю. Homo Lego: человек-конструктор (к постановке проблемы) [Текст] / А. Ю. Чукуров // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 2. – С. 72–76.
8. Чукуров, А. Ю. Механизмы самоадаптации личности как причины социокультурных трансформаций [Текст] / А. Ю. Чукуров // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4. – С. 116–121.
9. Kosofsky Sedgwick E. Epistemology of the Closet. – University of California Press (англ.), 2007. – 280 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Batler, Dzh. Psihika vlasti: teorii sub#ekcii [Tekst] / Dzhudit Batler; per. s angl. Z. Bablojan. – SPb. : Altejja, 2002. – 160 s.
2. Bulgakova, O. S. Formirovanie adaptacionnyh zashhit i mehanizm vozniknovenija psihosomaticheskix narushenij [Tekst] / O. S. Bulgakova // Aktual'nye aspekty sovremennoj psihofiziologii : sbornik nauchnyh trudov / sost. i отв. red. A. B. Bulgakov. – SPb. : Izd.: NPC PSN, 2015. – S. 45–48.
3. Glazersfel'd, fon Je. Vvedenie v radikal'nyj konstruktivizm [Tekst] / fon Je. Glazersfel'd; per. S. A. Cokolova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Serija 7. Filosofija. – № 4. – 2001. – S. 59–81.
4. Dzhagoz, A. Vvedenie v kvir-teoriju [Tekst] / A. Dzhagoz; per. M. Kukarcevoj; отв. red. V. E. Kashaev. – M. : «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2008. – 208 s.
5. Markuze, G. Odnomernyj chelovek [Tekst] / Gerbert Markuze; per. s angl. A. A. Judina. – M. : AST, 2002. – 526 s.
6. Fuko, M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij [Jelektronnyj resurs] / M. Fuko // Centr gumanitarnykh tehnologij. – Rezhim dostupa: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709> (data obrashhenija 28.07.2015)
7. Chukurov A. Ju. Homo Lego: chelovek-konstruktor (k postanovke problemy) [Tekst] / A. Ju. Chukurov // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. – 2016. – № 2. – S. 72–76.
8. Chukurov, A. Ju. Mehanizmy samoadaptacii lichnosti kak prichiny sociokul'turnykh transformacij [Tekst] / A. Ju. Chukurov // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. – 2015. – № 4. – S. 116–121.
9. Kosofsky Sedgwick E. Epistemology of the Closet. – University of California Press (англ.), 2007. – 280 p.